

Одним из важнейших моментов, определяющих международную ситуацию накануне Французской буржуазной революции, было англо-французское, мировое по своему размаху соперничество, сильно обострившееся в связи с голландским кризисом.

В 1787 г. в Голландии происходила борьба так называемой патриотической партии, являвшейся выразительницей интересов городского патрициата, со штатгальтером Вильгельмом V Оранским; причем патриотическая партия рассчитывала на поддержку Франции, заключившей в 1785 г. союз с Голландией; штатгальтер же ориентировался на ее противников. И действительно, Англия, не желавшая примириться с ростом влияния Франции и Голландии и с усилением международного престижа Франции, вившегося результатом ее победоносного участия в американской войне, старалась побудить Пруссию выступить в защиту интересов штатгальтера. Заинтересованность же Пруссии в голландских делах вызывалась ее соперничеством с Австрией.

Воспользовавшись задержанием жены штатгальтера, сестры Фридриха-Вильгельма II, как предлогом для вмешательства, прусские войска согласия Англии заняли Гельдерн и восстановили власть штатгальтера. Франция не оказала помощи голландцам. В результате в апреле 1788 г. был заключен англо-пруско-голландский союз, имевший большое значение для всей последующей истории международных отношений. Союз тот вывел Англию из ее изолированного положения и сделал Пруссию проводником английской политики на континенте, Францию же заставил настойчиво добиваться сближения с Россией. Основной задачей Франции при этом было наладить с Россией непосредственные торговые отношения выбить английский капитал из захваченных им позиций.

Под давлением французской буржуазии, стремившейся к укреплению своих торговых отношений с югом России, Франция еще в 1787 г. заключила с Россией торговый договор. Этот договор уничтожал монопольное господство английского капитала на русском рынке и укреплял французскую торговлю с югом России через Дарданеллы и Черное море. Франция Россия обязались признавать друг друга наиболее благоприятствуемыми державами.

В 1787 г. советник по иностранным делам Безбородко обсуждает французским послом Сегюром вопрос о создании тройственного франко-австро-русского союза против Турции, который в дальнейшем вылился план четверного союза между бурбонскими и императорскими дворами Россия, Австрия, Франция и Испания) в противовес сближению Англии и Пруссии.

Между тем Англия, недовольная налаживающимися отношениями между Францией и Россией и стремившаяся отвлечь внимание Австрии и Франции от Голландии, пытается разжечь антагонизм между Россией и Турцией. Сегюр в своих «Записках о пребывании в России» указывает, что сент-жемский кабинет пытался убедить турецкое правительство в том, что торговый договор между Францией и Россией направлен против Турции Английский кабинет изображал этот торговый договор как результат уже заключенного против Турции союза. К октябрю 1787 г. намечилось сближение французской монархии с Россией. 22 октября 1787 г. секретарь Екатерины II Храповицкий в своем дневнике записывает: «Читана с удовольствием парижская депеша, из коей познается сближение двора французского с нашим, приготовляемое мщение королю прусскому за Голландию и описание о его высокомерии, связь его с Англией... Примерно недоброжелательство к нам Англии, помыслы короля шведского на Данию и склонение обстоятельств ко всеобщей войне в Европе».¹

О том, как Англия отнеслась к стремлению Франции сблизиться с Россией, говорит запись Храповицкого от 16 декабря того же года: «Английское министерство по слуху о приступлении Франции к нашему союзу с императором приказало здесь формально о том объясниться представляя худое состояние Франции и, известное по опытам, к нам недоброжелательство; но как через то Франция может усилиться, то Англия не примет поступка сего равнодушно».²

Охлаждение между Англией и Россией выражалось конкретно в том, что переговоры о возобновлении торгового договора между этими государствами были прерваны.³ В этой обстановке 13 августа 1787 г. началась вторая турецкая война.

Русско-турецкие отношения нормировались кучук-кайнарджским договором, которым закончилась первая турецкая война (1774 г.) и по которому Россия получила для своих купеческих судов право свободного плавания по Черному морю, а также через проливы Босфор и Дарданеллы; в Молдавию и Валахию были направлены «господари», одновременно подчиненные турецким властям и находившиеся под покровительством! Екатерины II.

В апреле 1783 г. Потемкин захватил Крым, занял Кубань, объявил протекторат России над Грузией. Таким образом, все северное побережье Черного моря было захвачено Россией. Константинопольский договору заключенный между Турцией и Россией 8 января 1784 г., все эти захваты санкционировал. Однако Екатерине недостаточно было этих завоеваний, недостаточно было и того, что для русских кораблей открылся свободный доступ в Адриатическое море и в Архипелаг. Екатерина носилась со знаменитым греческим проектом, в котором конечной целью был захват Константинополя. Она заключила с Иосифом II союз для полюбовного раздела Турции.

Россия приняла, по выражению Энгельса, позу «освободителя» всего славянского населения Турецкой империи. По словам Энгельса, «Царьград в качестве третьей российской столицы, наряду с Москвой и Петербургом, — это означало бы, однако, не только моральное господство над восточно-христианским миром, это было бы также решительным шагом к господству над Европой. Это было бы единодержавным господством над Черным морем, Малой Азией, Балканским полуостровом. Это означало бы, что Черное море, лишь только пожелает царь, может быть заперто для всех торговых и военных флотов, кроме русского, что это море превращено в русскую военную гавань и место маневров русского флота, который в любой момент мог бы из этого безопасного

¹ Дневник Храповицкого 1782—1793 гг. «Русский архив» за 1902 г., стр.31.

² Там же, стр.34.

³ «Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II», стр.174. Петербург, 1865. См. в книге Л.Вульфа «Изобретая Восточную Европу...» на нашем сайте «Век Просвещения» (http://enlightment2005.narod.ru/science/east_europe.htm). - Редакторы Vive Liberta.

убежища делать вылазки через укрепленный Босфор и скрываться обратно. Тогда России оставалось бы только прямо или косвенно достичь такого же господства над Зундом и Бельтами, — и она была бы неприступна также и с моря».⁴

Летом 1787 г. Екатерина совершила торжественную поездку по Крымским владениям,* во время которой демонстрировалась военная мощь России. Потемкин показал Екатерине область, представлявшую ранее безлюдную степь, теперь же начинающую заселяться, настоящую крепость в Херсоне и настоящий порт в Севастополе.

Непосредственно после этой демонстрации, 26 июля 1787 г., рейс-эфенди предъявил русскому послу Булгакову требования Турции: Россия должна отказаться от протектората над Грузией, отозвать своих «господарей» из Ясс, Бухареста и Александрии и поставить под турецкий контроль русские суда, плавающие по Черному морю. 16 августа русский посол в Турции Булгаков был заключен в семибашенный замок. Началась вторая турецкая война. Кампания 1787—1788 гг. проходила в тяжелых условиях. Русское правительство к войне не подготовилось. Войск на южной границе было мало, в стране был неурожай. В связи с волнениями в Нидерландах и в Венгрии положение Иосифа II также было очень трудным. Тем не менее австрийский император 9 февраля 1788 г. начал военные действия. 200-тысячная армия под начальством генерала Ласси и самого Иосифа II двинулась на Белград, Виддин и Орсову. Хотя вначале австрийцам и удалось одержать частичные победы, захватить несколько мелких крепостей, но в целом 1788 г. был и для австрийцев неудачным.

Положение России осложнилось начавшейся в 1788 г. войной со Швецией. Шведский король Густав III стремился использовать трудное Положение России и вернуть те территории, которые были уступлены Швецией по Ништадтскому миру (1721 г.), т.е. Карелию, Финляндию и др. Одновременно Густав III надеялся благодаря войне укрепить абсолютизм внутри страны и подавить оппозицию феодальной аристократии.

Обострение отношений между Россией и Швецией произошло в очень сложной для России международной обстановке. Пруссия в полном контакте с Англией развила исключительную активность по созданию блока Пруссии, Англии, Швеции и Польши против России. Густав III с самого начала второй турецкой войны был связан с Турцией, и именно это обстоятельство придавало его выступлению против России особенное значение в глазах лондонского и берлинского кабинетов. Позиция Франции отношению к политике Густава III на данном этапе определялась ее антагонизмом с Англией. Франция боялась, как бы Швеция не попала под влияние Англии, в выступлении Швеции она видела результат английской политики и не поддерживала шведского короля в его конфликте с Екатериной. Густав III, совершивший в 1772 г. абсолютистский переворот, решил воспользоваться отвлечением русских войск на войну с Турцией, Обеспечив себя поддержкой Пруссии и Англии, он рассчитывал на быструю победу, которая расширит территорию Швеции и укрепит его власть в стране.

11 мая Храповицкий отмечает в дневнике: «В почте из Стокгольма подтверждается королевское вооружение и подозревают, что он получил субсиды».⁵ В этот же день Екатерина с досадой заметила: «Англия везде нам мешает».

1 июня Густав III предъявил Екатерине ультиматум, требуя от нее возвращения уступленных некогда территорий и навязывая свое посредничество в восточной войне, которое должно было привести к возвращению Порте Крыма и восстановлению границ 1774 года. В ответ последовал разрыв дипломатических отношений.

Россия была застигнута врасплох. Шведский король угрожал Петербургу и Лифляндии. Весь этот край защищали только два полка. В Петербурге ежeminутно ждали прихода шведского короля. «В столице было, — пишет Сегюр, — смутно и тревожно. Готовились, снаряжали войско и учили новобранцев из слуг и ремесленников, молодых и старых. Скоро пришла весть, что король подошел к Нейшлоту и обстреливает форт и что армия его идет на Фридрихсгем, который не может быть защищен против серьезного нападения. Тогда разнесся слух, что во дворце тревога, что там укладывают все — серебро, драгоценности, бриллианты, бумаги из кабинета, что везде подготовлены лошади и что государыня, испуганная и без средств защиты, уедет ночью в Москву».⁶

Екатерина, однако, не покинула столицу. Началась усиленная деятельность русской дипломатии. Царское правительство потребовало от Дании исполнения союзного договора, т.е. выступления Дании против Швеции Прусская и английская дипломатия, в свою очередь, усиленно работала с целью заставить Данию сохранить нейтралитет и тем способствовать победе Швеции. Пруссия заявила Дании, что «хотя прусский король и оставил короля шведского на произвол судьбы, однако ни он, ни Англия не потерпят поражения Швеции».⁷

Однако в августе 1788 г. датчане под командой принца Карла Гессенского вторглись в Швецию и осадили Гетеборг. Немедленно последовало вмешательство Англии и Пруссии: в случае продолжения наступательных действий они угрожали нападением на Данию с суши и с моря

Густав III использовал нападение датчан на Гетеборг. Играя на патриотических чувствах своих граждан, он издал 21 февраля 1789 г. акт «объединения и обороны», которым флот и армия отдавались во власть короля. Под давлением Англии и Пруссии Дания заключила перемирие со Швецией сначала на 8 дней, а затем — вплоть до 15 мая 1789 г.; Гетеборг остался в руках Швеции.

На турецком фронте австрийцы терпели неудачи. В болотистых и жарких придунайских районах австрийская армия сильно поредела от изнурительной лихорадки и других болезней, а австрийские генералы не проявляли энергии и решительности. В сентябре 1788 г. австрийцы вынуждены были отдать цветущий Банат, несколько раз переходивший из рук в руки. «Я не нахожу у наших генералов, — писал Иосиф Леопольду, — ни твердой воли, ни рвения, ни энергии. Все в отчаянии, что им приходится воевать: они хотели бы спокойно сидеть дома и двигаются только, когда их толкаешь».⁸

Только поздним летом 1789 г. Суворову удалось разбить турок при Фокшанах и при Рымнике, а осенью Лоудон взял Белград.

⁴ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Т.XVI. Ч. 2-я, стр.10.

* См. описание этого путешествия в книге Л.Вульфа «Изобретая Восточную Европу...» на нашем сайте «Век Просвещения» (http://enlightment2005.narod.ru/science/east_europe.htm). - Редакторы Vive Liberta.

⁵ Дневник Храповицкого, стр.48.

⁶ «Записки графа Сегюра», стр.99—100.

⁷ Дневник Храповицкого от 26 августа 1788 г., стр.80.

⁸ Сорель «Европа и Французская революция». Т.1, стр.412.

Россия закончила кампанию 1788 г. крупным успехом: 6 декабря 1788 г. Суворов взял Очаков. Важность этого успеха русских была понята Пруссией и отмечена русской императрицей. В Берлине известие о взятии Очакова было названо «la grande nouvelle». Екатерина же сказала: «английский король болен более чем когда-либо, прусский продолжает свои происки, испанский — при смерти, польский сейм по-прежнему сумасбродствует, но Очаков взят, а что раз взято, то и сберечь надо».⁹

* * *

Наступил 1789 год, год начала революции во Франции. Европейски державы были по-прежнему заняты взаимной борьбой, противоречив между двумя коалициями достигли наивысшего напряжения, Фридрих-Вильгельм II, которого Екатерина иронически называла «европейские диктатором», по-прежнему пытался осуществить свои фантастические планы перекройки всей Европы. Выступая посредником в деле заключения мира между Россией с одной стороны и Швецией и Турцией — с другой, Пруссия добивалась, чтобы Россия получила от Турции Очаков Бессарабию, Австрия — Молдавию и Валахию, взамен чего Россия должна уступить Швеции Карелию и часть Финляндии, а Австрия — передать Польше Галицию. Польша, в свою очередь, должна была уступить Пруссии Данциг и Торн, а Швеция, получив компенсацию от России, — уступить Пруссии Померанию.

Автор этого проекта, прусский министр иностранных дел Герцберг, стремился вести самостоятельную прусскую политику, но, по существу, то в гораздо большей степени было служение английским интересам на европейском континенте. Пруссия была проводником английской политики как в Швеции, так и в Турции. Впрочем, Герцберг во всех своих мероприятиях потерпел неудачу.

На севере Пруссия настойчиво добивалась от Дании сохранения нейтралитета, угрожая ей тем, что соединенная английская и голландская эскадры готовы к выступлению в Балтийское море.¹⁰

Когда несмотря на все угрозы Дания согласилась предоставить корабельный эскорт для сопровождения в Балтийское море русских кораблей, пришедших на соединение с Чичаговым, со стороны Великобритании и Пруссии поднялись бурные протесты. Дания была вынуждена сделать официальное заявление о сохранении ею нейтралитета в Северной войне при условии соблюдения его и тремя союзными державами: Англией, Пруссией и Голландией.¹¹ Выступление Дании на стороне России встревожило не только Англию и Пруссию, но и старых союзников Швеции, в частности Францию и Испанию, боявшихся поражения Швеции и нарушения равновесия на севере. Дипломатия Франции вместе с другими также протестовала против выступления Дании.

В сообщении Воронцова Остерману мы читаем: «Французский и испанский послы лишь сведили, что датский флот пошел вместе с нашим из Киогбея на соединение с адмиралом Чичаговым, жаловались и кричали, что Дания нарушила нейтралитет, что Швеция погибнет и равно вес ее исчезнет на севере. Первый из них, говоря о сем, оказал такой жар, что, проболтавшись, сказал, что он, сведая о сем, ездил жаловаться дюку Лидсу, и с сердцем прибавил, что нашел сего статского секретаря весьма холоднокровным и токмо получил в ответ следующие слова: сие есть токмо обыкновенная замашка графа Бернсторфа. Граф Ревизкий приметил послу, как ему удивительно, что Франция берет на себя столь усердно помогать Швеции, которая и без чего имеет опекунами Англию и Пруссию. Маркиз де ла Люзерн, одумавшись, отвечив, что Франция не усердствует Швеции, а единственно сохранению равновесия».¹²

В апреле 1789 г. Густав III успел провести на сейме экстраординарный бюджет, который должен был оставаться неизменным на неопределенное, зависящее от короля число лет. Получив в свое распоряжение необходимые средства для продолжения войны, Густав не думал о мире и стремился укрепить свои связи с союзниками. Летом 1789 г. турецкий султан Селим подтвердил договор между Швецией и Турцией: Турция обязывалась давать Швеции в течение десяти лет субсидию и не заключить без согласия Швеции мира с Россией.

Одновременно прусский посол в Польше маркиз Луккезини обратился к сейму с предложением, чтобы Польша присоединилась к договору между Портой и Швецией. Пруссия, таким образом, замышляла объединенное выступление Порты, Швеции и Польши против России и Австрии. Между тем Россия с начала 1789 г. стремилась окончить войну со Швецией на севере и с турками — на юге. 2 января 1789 г. граф Безбородко изложил в письме к князю Потемкину условия, на которых можно было бы вести переговоры о мире с Турцией: «Венскому двору сказано, что мы охотно желаем сделать мир с турками, но что не имеем начать формальной негоциации прежде, покуда г. Булгаков не будет освобожден».¹³

Первый проект мирных условий в основном сводился к следующему: 1) утверждение прежних трактатов; 2) Очаков с уездом остается в русском владении; Турция уплачивает военные издержки, которые, по исчислению русского правительства, равнялись 30 миллионам.

Пруссия, Англия и Франция стремились вмешаться в русско-турецкие переговоры о мире. Особенно настойчиво пыталась использовать эти переговоры Пруссия. Прусский посол в Константинополе Диц получал от Герцберга инструкцию за инструкцией — удержать Турцию от заключения мира.

Планы прусского правительства с исчерпывающей полнотой изложены в записке австрийского канцлера Кауниц-Ритберга французскому послу в Константинополе Шуазель-Гуффье.¹⁴ Пруссия стремилась побудить Турцию к продолжению войны. В то же время, по прусским планам, Австрия за потерю Галиции вознаграждалась территорией Молдавии и Валахии. В случае отказа Турции уступить Молдавию и Валахию Пруссия угрожала ей выступлением совместно с императорскими дворами. Однако не только Пруссия, но и Англия и Швеция также претендовали на свою долю военной добычи. Швеция надеялась, что если война затянется, Порта должна будет предоставить ей денежную компенсацию за оказанную услугу — нападение на Россию. Лондон рассчитывал за услуги, оказанные Порте английским флотом, получить льготы и преимущества для английской торговли.

⁹ Дневник Храповицкого от 4 января 1789 г., стр. 132.

¹⁰ Для дальнейшего изложения автор статьи использовал подготовленную Институтом истории Академии наук новую публикацию архивных документов — «Царизм и буржуазные революции». Т. I, — характеризующие международные отношения первых лет Французской революции (1789—1790 гг.).

¹¹ Министр иностранных дел Дании граф Бернсторф — послам Великобритании, Пруссии и Голландии 28 июня (9 июля) 1789 года.

¹² Донесения Воронцова Остерману от 21 августа (1 сентября) 1789 года.

¹³ Донесение графа Безбородко Потемкину от 2 января 1789 года.

¹⁴ Кауниц-Ритберг - Шуазель-Гуффье 25 января (5 февраля) 1789 года.

Булгаков в донесении Остерману следующим образом рисует план держав: «Между тем английский посол, прусский посланник и шведский, министр со своими причетами начали опять бесноваться образом только министрам, но ниже маклерам непристойным, проповедуя слабость и недостатки России и императора. Оставляя сии скаредствы в презрении коего они достойны, донесу только: первый публично говорит, что Англия пошлет эскадру на помощь Швеции, а второй, что король его согласило с Польшей принудить Россию возвратить республике Смоленск, Полой». Чернигов, Киев и поможет ей всеми своими силами. Все же они трое уверяют, кто слушать их хочет, что Россия принудится дружественным Порте державами отдать ей назад Крым, Кубань, Очаков и все, что б ныне ни завоевала».¹⁵

Попытки Пруссии вмешаться а переговоры о заключении мира России с Турцией потерпели неудачу.

Версальское правительство также усиленно добивается участия в посредничестве. Опасность со стороны англо-пруско-голландского союз¹⁶ заставляла Францию дорожить сближением с Россией. В то же время Турция несмотря на свой упадок была нужна версальскому двору в качестве союзника против России, претендовавшей на европейскую гегемонию. К этому присоединялись и торговые интересы: так Шуазель-Гуффье полагал, что если Франция утратит свой престиж в Турции, то пострадает прежде всего французская торговля: «Мы в конце концов утратим доверие этих полезных нам союзников, а вместе с ними и обширную торговлю, которой питается половина королевства». Заинтересованность в сохранении Турции делает понятным своеобразное вмешательство версальского двора в русско-турецкие дела. Французская дипломатия пыталась противопоставить свое влияние интригам прусской дипломатии. Она разоблачала прусскую политику. Французская дипломатия предлагала свое содействие заключению мира и освобождению Булгакова. Сегюр и Шуазель-Гуффье проявили немало усердия для доказательства того, что французское правительство стремится к заключению мира России с Турцией на самых выгодных для России условиях. Условия эти были сформулированы, в них были выставлены требования: освобождение Булгакова и уступка императорским дворам тех местностей и городов, которыми они завладели во время войны. Кроме того Шуазель стремился парализовать домогательства польского посла, предлагавшего Турции вступить в более тесный союз с Польшей.¹⁷

В то же время французская дипломатия пыталась всеми силами сохранить свое влияние в Турции, для чего она под разными предлогами откладывала заключение союза с Россией, не желая его до окончания войны, при этом ссылаясь на позицию Испании и на опасения лишиться всякого авторитета у турецкого правительства. Французское правительство предлагало выработать все предварительные условия союзного договора, но ввести его в силу только после заключения мира с Портой.¹⁸

Проект договора между Францией и Россией¹⁹ вызвал возражение петербургского двора. Он был сформулирован чрезвычайно односторонне, в нем подчеркивались обязательства России оказать помощь Франции в случае ее столкновения с Англией, не обходилось молчанием обязательство Франции содействовать заключению мира между Россией и Турцией.²⁰

Двойственность французского правительства ставила его дипломатов в тяжелое положение. «Я слишком хорошо понимаю, — писал Сегюр де Ноэлю, — до какой степени мое положение щекотливо, тревожно и тягостно. Сближением нашим с Россией мы раздражим против себя лигу (т.е. Англию, Пруссию, Голландию), а также Польшу, Швецию и Турцию. Теперь, не подписывая договора, мы вызываем неудовольствие обоих императорских дворов. Таким образом, нам достаются одни шипы, а не плоды союза. Вот последствия наших смут. Если Англия и Пруссия будут действовать с достаточной ловкостью, они могут доставить России выгодный мир, сблизиться с ней и окончательно разрушить здесь влияние, осколки которого я отстаиваю насколько могу».²¹

Революционные события во Франции окончательно расстроили планы императорских и бурбонских дворов. Положение России осложнилось. Полномочный министр Франции граф д'Эстерно писал Сегюру, что революция во Франции может сильно расстроить эти планы, а это принудит Россию заключить союз с Портой. Россия, пишет д'Эстерно, «примет предложения наших соперников, если не сказать врагов». Если Пруссия будет участвовать в мирных переговорах, то Россия должна будет оставить Крым и Очаков, если Англия, — то последняя будет претендовать на преимущества для своей торговли. Россия не приняла условий своих врагов, а в конце 1789 и начале 1790 г. вступила в переговоры о заключении торгового договора и оборонительного союза с Англией и самостоятельно выработала мирные условия для Порты и Швеции.

В окончательной формулировке требования России сводились к следующему: 1) возобновление старых договоров и соглашений, заключенных обеими державами со времени кучук-кайнарджиского договора до последней войны, и установление новой границы между обоими государствами, определяемой рекой Днестром и предполагающей уступку города Аккермана; 2) превращение провинций Молдавии, Валахии и Бессарабии в свободные княжества, независимые от обоих государств, — они должны были отныне служить барьером между ними; 3) в третьем пункте говорилось о необходимости обеспечить прочный, устойчивый и постоянный мир.²² В отношении Швеции условия закрепляли за Россией территориальные приобретения, полученные ею от Швеции по ништадтскому и абоскому договорам.

Между тем к началу 1790 г. оживилась деятельность прусской дипломатии в Турции, стремившейся заключить прусско-турецкий союз. Посредством союза Пруссия пыталась реализовать «план Герцберга» по отношению к Австрии. Порта оказывала противодействие заключению этого союза, так как, по планам Пруссии, за счет территории Турция Австрия должна была получить вознаграждение за потерю Галиции. Фактически планы Пруссии разбились о сопротивление Турции. Последняя добивалась такого посредничества Пруссии, которое привело бы к возвращению Турции Крыма. Поэтому союзный договор не получи немедленного утверждения. Он должен был быть ратифицирован в течение пяти месяцев. Дитцу пришлось употребить немало стараний, чтобы добиться своих целей у турецкого правительства; ни обещания, ни угрозы, ни подкупы нужных лиц не помогали: «Г-н Дитц, раздражен постоянными возражениями, на которые он наталкивался, разгорячился и заявил, что предоставляет Порте 24 часа для принятия решения и что малейшая отсрочка будет сочтена за отказ и даже побудит его повели теля сблизиться с императорскими дворами и

¹⁵ Булгаков - Остерману от 15 (26) августа 1789 года.

¹⁶ Шуазель-Гуффье - Монморену.

¹⁷ Конференциальная записка 1 (12) марта 1789 года.

¹⁸ Там же от 17 (28) октября 1789 года. Там же от 29 марта (9 апреля) 1789 года.

¹⁹ Проект соглашения о русско-французском союзе 31 марта (11 апреля) 1789 года. Он помещен в указанной выше подготовленной Институтом истории публикации документа о внешней политике европейских государств накануне и в первые годы французской революции.

²⁰ Конференциальная записка от 31 марта (11 апреля) 1789 года.

²¹ Сорель А. «Европа и Французская революция». Т.1, стр.119.

²² Екатерина - Воронцову 19(30) декабря 1789 года.

и вступить с ними в союз с целью покончить с Османской империей».²⁴ Затем последовали еще два свидания, после чего Турция согласилась подписать договор, и не такой, какого добивалась Пруссия.

Основным условием этого договора было обязательное посредничество Пруссии во всех переговорах с Россией до тех пор, пока Турции не будет возвращен Крым; после чего Турция обязывается содействовать Пруссии в возвращении полякам Галиции. В Берлине пришли в ужас, когда узнали об условиях договора. Дитц был отозван из Константинополя. Однако опала Дитца не изменила сложности положения Пруссии. Необходимо было или отказаться от договора, или готовиться к войне с Россией. Фридрих-Вильгельм склонен был к последнему. Русское правительство начинает обнаруживать тревогу по поводу возможности этой новой, «третьей», по выражению Екатерины, войны. Пруссия же не только бряцает оружием, но и усиленно заготавливает военное снаряжение, а его дипломатия усиленно вербует сторонников.

О том, что все эти приготовления имели в виду не только восточную политику Пруссии, но и осуществление ее гораздо более широких и более давних стремлений, — об этом говорят все дальнейшие события и вся деятельность прусской дипломатии в Польше.

В период наивысшего обострения международных конфликтов польский вопрос занял одно из первостепенных мест во внешнеполитической борьбе.

* * *

Екатерина стремилась завоевать Турцию и Царьград: «Господство в Балканском полуострове привело бы Россию к Адриатическому морю. Удержать же эту границу на юго-западе было бы немисливо без соответствующего передвижения всей западной границы России, без значительного расширения сферы ее могущества на Западе. А обстоятельства были тут, пожалуй, еще более благоприятны».²⁵

Первый раздел Польши был произведен тремя «великими столпами европейского «просвещения»: Екатериной, Фридрихом и Иосифом». Двое последних своим участием в грабеже Польши «целиком отдавали себя во власть русского царизма».²⁶

Польша была гарантирована прежняя конституция с выборным королем, поставленным в зависимость от дворянства, с дворянским сеймом, которому принадлежала законодательная власть. Постоянный совет был вновь создан в качестве органа исполнительной власти. Польская «дворянская республика, основанная на эксплуатации и угнетении крестьян, неспособная по своей конституции ни к какому общенациональному действию», была обречена на то, чтобы стать объектом завоевательных стремлений своих соседей. «С начала восемнадцатого столетия, по словам самих поляков, Польша держалась беспорядком... иностранные войска непрестанно оккупировали всю страну или проходили через нее; она служила им постоянным двором и харчевней».²⁷ Влияние различных иностранных государств усиливалось тем, что «политическая власть принадлежала продажному и хищному дворянству в лице его различных группировок, защищавших интересы того или иного иностранного государства». Господство дворянства было основано, как уже сказано, на ужасающей эксплуатации крестьянства. Мабли писал полякам: «Ваши крестьяне обречены на самое жестокое рабство. Господа заботятся о них менее, чем о своих лошадях».

Борьба между Пруссией и Россией за польские территории обострилась со времени второй турецкой войны. Успешная борьба с Турцией была бы невозможна без укрепления русского престижа в Польше. С самого начала войны Потемкин настаивал на заключении союза с Польшей, чтобы и ее втянуть в войну с Турцией.

В 1789 г. польский сейм не только отверг предложение России о союзе, но потребовал, чтобы польские владения были очищены от русских войск. Сопrotивление сейма использовала Пруссия, которая, развивая очень большую активность, все более и более становилась на путь интриг и натравливания одной страны на другую, чтобы в обстановке общей сумятицы заполнить территории, составлявшие предмет ее давнишних притязаний, — Данциг и Торн.

В 1789 г. борьба за передел Польши происходила в обстановке, когда Россия была отвлечена восточной и шведской войнами. В сейме боролись партия, стоявшая за союз с Россией и возглавляемая польским королем Станиславом, и так называемая патриотическая партия Потоцких, Сапег, Понятовских, крупных влиятельных магнатов, опиравшихся на Пруссию. Последняя старалась заверить поляков, что стремится бескорыстно к защите их независимости.

Осенью 1789 г. прусская дипломатия усиленно борется за создание союза с Польшей. Эту политику ведет один из виднейших представителей прусской дипломатии, Луккезини, против русского посла в Варшаве Штакельберга. В Польше в это время происходит подъем национального движения, тесно связанный с Французской революцией. Недовольство польской буржуазии и крестьянства сказалось прежде всего в Данциге. Поверенный в делах Данцига Соколовский сообщает об этом следующее: «Хотя жители города сего не перестают ежечасно на горькую судьбину свою жаловаться, однако по получении через последнюю из Франции почту писем, кажется, как бы город сей несколько позабыл уже о своем собственном нещастии: ибо всяк из оных жителей теперь ни о чем больше не рассуждает, как только о происшедшем недавно в Париже ужасно бунте и великом между гражданами кровопролитии, о котором с крайне нетерпеливостью здесь ожидают большей вероятности. Многие здешние политики опасаются, чтобы скоро такой же бунт не произошел и в Польше, где, сказывают, также великое несогласие между чинами правительства и королем достигает уже до самой крайности».²⁸

Предсказания Соколовского оправдались, и уже через несколько месяцев вспышки недовольства проникли в столицу Польши — Варшаву.

Донесения говорят, что неудовлетворенность существующим положением вещей распространена не только среди крестьянства и горожан, но даже среди духовенства.

«Всеми мыслями овладела англоманья, в том что касается стремлений к конституции. Польские горожане заговорили языком третьего сословия и дошли до того, что требуют введения нижней палаты, составленной из представителей городов. Несомненно, что факт свержения правительства во Франции способствовал брожению, которое оттуда проникло в Нидерланды, а затем и в Германию, в которой тоже неспокойно».²⁹

²⁴ Шуазель-Гуфье - Монморену 27 января (7 февраля) 1790 года.

²⁵ Ф.Энгельс «Внешняя политика царизма». К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Т.XVI. Ч. 2-я, стр.10.

²⁶ Там же, стр.14; Там же, стр.10.

²⁷ Сорель А. Цит.соч. Т.I, стр.402.

²⁸ Соколовский - Остерману 23 июля (3 августа) 1789 года.

²⁹ Штакельберг - Остерману 24 ноября (5 декабря) 1789 года.

Таким образом, вопросы внутреннего положения Польши настоятельно требовали разрешения как раз в момент наиболее сложной международной ситуации.

Царское правительство надеялось, что осложнения внутри Польши ослабят шансы противника. Царский посол считал, что волнения внутри Польши должны охладить воинственное настроение сейма. Для подавления движения в Галиции австрийское правительство посылает туда войска. Этим пользуется патриотическая партия. Указывая на усиливающуюся агрессию со стороны Австрии, она настаивает на заключении союза Пруссией, который должен освободить Польшу от господства России.

По словам Штакельберга, «обстоятельства данного момента, которые покажутся будущим поколениям трудно объяснимыми, предоставили прусскому королю и Англии большое влияние на европейские дела; берлинский двор, подчеркивая свое недовольство, придает этому передвижению императорских войск, вызванному угрозами и подстрекательствами к мятежу со стороны маркиза Луккезини, характер нового стимула для поляков заключить союз. Послы Пруссии, Англии и Швеции считают и утверждают, что означенный корпус предназначается для вторжения в Польша хотя в действительности оно было вызвано галицийским восстанием».³⁰ Царский посол говорит об адских махинациях, к которым прибегают, что бы расположить польского короля к заключению договора.

Начало 1790 г. ознаменовалось ожесточенной борьбой польской патриотической партии за возвращение Галиции. Пруссия поддерживала подобные стремления польской знати. Польская «армия, сопровождаемая бандами мелкого дворянства, — пишет царский посол, — вторгнется (в Галицию) и при помощи прусских денег неизбежно произойдет ниспровержение всего существующего, которого нам удалось избежать в течение двух лет».³¹ Далее, сообщая о скором заключении союза между Пруссией и Польшей, Штакельберг говорит, что задача Пруссии заключается в том, чтобы совместно с Польшей разжечь пожар войны в Галиции, еде лав его всеобщим.

Вскоре в сейме происходят бурные заседания по вопросу о Данциге и Торне. Проект союза Пруссии с Польшей, представленный Луккезини, сводился к тому, что Польша уступает прусскому королю города Данцига, и Торн с областью Дыбово, расположенной на другом берегу Вислы, за что в виде компенсации берлинское правительство предложило уменьшение таможенных пошлин на польские товары с 12 до 6%. В остальном «пруссский контр-проект союзного договора с Польшей, называемый оборонительным, содержит, как говорят, среди других менее важных условий, статью о взаимной гарантии владений этих двух государств и, в случае нападения, взаимное обязательство об оказании помощи в виде двенадцати тысяч человек».³² «Компенсация», предлагавшаяся Пруссией за Данциг и Торн, не могла, разумеется, возместить Польше потерю этих жизненно важных пунктов. Комиссия иностранных дел сейма отклонила проект Луккезини, указав, что ее полномочия не дают права вести переговоры об уступке территории или о расчленении Польши.

Одновременно становится очевидным расхождение польских и русских интересов, «так как независимость трех турецких областей совершенно не согласуется со всей польской политикой. Здесь считают, что тот порядок и та цивилизация, которые придут в этих провинциях на смену теперешнему положению вещей, могут оказаться невыгодными для Польши и ее торговли, потому что заселенные и культивированные, они перестанут служить местом сбыта для Польши».³³ Польское правительство протестовало также и против тех требований, которые Россия предъявила шведскому королю. Сопrotивление Данцига в вопросе о присоединении его к Пруссии также приписывалось влиянию русского посла. Взаимоотношения между Польшей и Россией становились все более напряженными, ходили даже слухи об отъезде русского посла из Польши.

29 марта 1789 г. оборонительный союз Пруссии с Польшей был заключен. Однако вопрос о Данциге и Торне был выделен и должен был стать предметом особых переговоров. «Такая перемена произошла после того, как берлинский двор притворно отказался от своей рискованной просьбы, обращенной к полякам, чтобы они уступили ему Данциг и Торн; эта просьба их первоначально очень перепугала, но недовольство по этому поводу было лишь вспышкой, которую маркиз Луккезини и главари его партии сумели потушить прежде, чем можно было себе это представить».³⁴ Передача Пруссии Данцига и Торна относится уже к следующему периоду — к 1793 г., — к периоду второго раздела, происходившего при иной международной ситуации.

Во время выборов и созыва Генеральных штатов в начале 1789 г. европейские державы, занятые разрешением своих противоречий, были мало обеспокоены событиями во Франции. Пруссия, всецело занятая борьбой с Австрией и Россией, равнодушно взирала на борьбу Людовика XVI с Генеральными штатами. Австрия занята была осложнениями внутри страны и восстанием в Бельгии, которое несло с собой для Австрии опасность расчленения. Англия даже с некоторым удовлетворением наблюдала за беспорядком во Франции, за нарастанием общего недовольства в стране в надежде, что революционное движение ослабит Францию и приблизит момент для нанесения ей последнего удара. Россия оценивала события во Франции больше с точки зрения той опасности, которую несло с собой ослабление международной позиции Франции.

Такое отношение к революции скоро изменилось. Взятие Бастилии вызвало поток эмиграции из пределов Франции. Первыми бежали принцы королевской семьи и члены придворной камарильи. Эмигранты направились в Англию, в Пруссию, в Швейцарию, в имперские города левого и правого берегов Рейна. Первоначально центром эмиграции сделался Турин, столица сардинского короля Виктора-Амедея III, родственника графа д'Артуа. Здесь был организован специальный комитет для разработки плана борьбы и военной интервенции против революционной Франции.

³⁰ Штакельберг - Остерману 28 декабря (8 января) 1789 года.

³¹ Штакельберг - Остерману 8 (19 января) 1790 года.

³² Каше - Кобенцлю 24 февраля (7 марта) 1790 года.

³³ Штакельберг - Остерману 7 (18) марта 1790 года.

³⁴ Каше - Кобенцлю 6 (17) марта 1790 года.

В это время интервенция не могла еще быть организована вследствие противоречий, существовавших между державами. Однако грозная опасность, которую несла с собой Французская революция феодальным монархам Европы, заставила их, несмотря на противоположность своих интересов, объединиться против революционной Франции. Отмена Национальным собранием церковной десятины, а после октябрьских событий декрет о передаче церковных земель государству весьма серьезно нарушали права феодальных владетелей. Постановления эти распространялись не только на французов, но и на иностранных дворян, князей, государей, которые имели владения внутри Франции. Крестьянские движения еще более усилились. Князя священной Римской империи германской нации, имевшие владения в Эльзасе, первые стали жаловаться на нарушение их прав. Они заявили, что права на эти земли им даны по германской конституции, а не по французским законам. Иосиф II в качестве главы Германской империи должен был потребовать, чтобы потерпевшее немецкое дворянство было либо восстановлено в своих привилегиях либо соответственно компенсировано. Французская революция в данном случае затрагивала самые существенные интересы феодальных владетелей.

Екатерина II уже в 1789 г. выступает в качестве гаранта, защищающего права немецких князей. В названной выше нашей публикации есть исключительного интереса письмо епископа князя Шпейерского, обращавшегося к Екатерине II с просьбой оградить его владения, права и прерогативы от покушений со стороны французского Национального собрания: «Дело идет о выполнении Вестфальского договора, положение которого ваше императорское величество сооблаговостили гарантировать своим участием в Тешенском мирном договоре.³⁵ В силу этой гарантии и осмеливаюсь умолять ваше императорское величество оказать мне свое могущественное покровительство перед лицом христианнейшего короля и общего имперского сейма. С тем большим основанием и надеждой я прошу их участия в этом деле, что герцог Вюртембергский, герцог Цвейбрюкенский и многие другие князья и государства, входящие в состав империи, в равной степени заинтересованы в своих весьма значительных владениях, которые принадлежат им в Эльзасе».³⁶

Екатерина оказалась хранительницей феодальных прав германских князей, нарушенных постановлениями Национального собрания, 1790 год был важным этапом в процессе сговора европейских держав для борьбы против революционной Франции. В сговоре активное участие принимала и Екатерина II. Однако официально в коалицию европейских держав Екатерина II вступила лишь после того, как она покончила свои дела в Швеции, в Польше и в Турции.

В Турции и Польше активную политику, как было сказано, вела и Пруссия. 31 января 1790 г. был заключен прусско-турецкий союз, а 29 марта того же года — прусско-польский. Оба союза были направлены против России.

Пруссия действовала в тесном контакте с Англией, остававшейся главной и определяющей силой в международных отношениях этой эпохи. Противоречия, создавшиеся на почве восточной и шведской войн, борьба за Польшу и вообще сложный переплет взаимно противоречивых интересов держав отдалили момент интервенции. Противоречия между европейскими державами способствовали временному подъему международного престижа Екатерины II; последняя это немедленно использовала, чтобы с успехом завершить войну со Швецией и продолжать войну с Турцией и агрессию в отношении Польши.

В этом смысле рейхенбахское соглашение 27 июля 1790 г. имело для России большое значение. Важно отметить, что известный план Герцберга, по которому Пруссия должна была приобрести польские территории, Данциг и Торн, что ослабило бы влияние Екатерины II в Польше, потерпел крушение именно в период рейхенбахского соглашения. Особое значение для интересов России имело ослабление англо-пруско-голландского союза. В результате, несмотря на то что Россия лишилась содействия Франции в особенности после революции 1789 г., она одержала несколько побед в Турции.

Пруссия ввиду своего поражения не прочь была обратиться к Екатерине II с предложением способствовать России в приобретении Очакова и территории до Днестра при условии, если Россия в свою очередь поможет ей получить Данциг и Торн. Екатерина II на это ответила: «Кабалу на себя дать я не намерена. Очаков же так же, как туркам от прусского двора гарантированный Крым, в моих руках находится без дозволения его прусского величества. Угорелые кошки всегда повсюду мечутся».

Англия же в лице Питта в свою очередь пыталась принудить Екатерину II заключить мир с Турцией и для подкрепления своего Требования угрожала войной. Однако Питт встретил противодействие Фокса и представляемой им парламентской оппозиции, считавшей нецелесообразной на данном этапе войну с Россией. Екатерина II одержала бескровную победу, чрезвычайно способствовавшую временному укреплению ее престижа.

Необходимо было, по выражению Екатерины II, хотя бы «одну лапу высвободить из вязкого места»³⁷ — окончить войну со Швецией. 3 августа 1790 г. Екатерина заключила с Густавом III верельский мир. Императрица отказалась от вмешательства во внутренние дела Швеции, Густав же должен был отказаться от поддержки Турции — границы обеих стран остались такими, какими были до войны.

В декабре 1790 г. Суворовым была взята крепость Измаил, что приблизило конец второй восточной войны. Оставался еще не разрешенным польский вопрос. Нужно было преодолеть стремление Пруссии захватить Польшу. Для того чтобы отвлечь внимание держав от Польши, Екатерина старается повернуть агрессию Пруссии и Австрии против Французской революции. Одним из мероприятий для осуществления интервенции во Франции было соглашение с Густавом III, в силу которого Екатерина предоставляла ему денежные средства для подготовки вооруженного вмешательства во французские дела.

Густав III особенно ненавидел революцию потому, что она лишила его поддержки со стороны Франции, без которой он не мог продолжать борьбу с оппозиционным дворянством. После заключения верельского мира Густав очутился в безвыходном положении — без денег, с враждебной ему дворянской знатью. Победа над Французской революцией открывала в его воображении блестящие перспективы, он видел уже себя паладином монархов. Он питал надежду, что победа над революцией даст ему возможность «делать золото с помощью сабель». Казалось, что эта надежда как будто уже осуществляется; враждебные отношения с русской царицей сменились дружбой.

27 июля 1791 г. Храповицкий отмечает: «Барон Пален из Аахена пишет что шведский король стремится защищать короля французского, подговаривая к тому и нас, но по-прежнему просит три миллиона за мир мы с ним часто в мыслях разъезжаем по Сене в канонерских лодках».³⁸

Дротнингольмский договор, заключенный в октябре 1791 г., окончательно оформил союз между Густавом III и Екатериной II. По плану Густава, король должен был выставить армию в 16 тыс., которая, соединившись с 6 тыс. русских войск, должна была на

³⁵ Своим участием в Тешенском мире (1779), подтвердившем постановления вестфальского договора, Екатерина вступила в число гарантов, охранявших права германских князей и имперскую конституцию.

³⁶ Август, епископ князь Шпейерский - императрице Екатерине 11. 9 (20) января 1790 года.

³⁷ Письмо Екатерины II Потемкину от 5 августа 1790 года.

³⁸ Дневник Храповицкого от 27 июля 1791 года.

